

Т. Н. ИВАНОВА, Г. П. МЯГКОВ

ШКОЛА В. И. ГЕРЬЕ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И МЕСТО В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Авторы анализируют дискуссию о школе Герье. В различных интерпретациях названного феномена отразились методологические достижения современного этапа «историографической революции» с её повышенным интересом к коммуникативным практикам, классификации научных сообществ, выработке «антропологической» модели научной школы. В статье охарактеризованы основные черты школы Герье, её структура и эволюция, роль в развитии науки всеобщей истории в России.

Ключевые слова: модели историографического исследования, коммуникативные процессы, интеллектуальные сообщества, «историографический быт», научная школа В.И. Герье, «русская историческая школа» («Ecole Russe»).

«...историческое мышление (в какой-то мере историография) привносит предметы в актуальную культурную коммуникацию. Осмысленность культурных феноменов берётся из прошлого культуры. Нынешние представления о феноменах основаны на наследстве прошлого. Осознание смыслов устанавливаемых в прошлом, запускает диалог о современных смыслах. В свою очередь современность ожидает от исторического мышления ответа на вопросы, следующие из представлений актуального культурного порядка»¹.

Современная историография видит в числе научно значимых проблем изучение истории формирования и развития интеллектуальных (научных) сообществ. Именно профессиональные академические сообщества выступают субъектами получения, сохранения и трансляции исторического знания². Феномен возрастающего интереса к ним, как и в целом к проблемам интеллектуальной истории, может быть понят только в контексте глобальных перемен, которые происходят в мировой исторической науке на рубеже XX–XXI вв.³

Новые условия развития историографии. На исходе прошлого – XX-го – века начался новый этап в развитии исторической науки. Рассматриваемый как третий (современный) этап «*историографической революции*»⁴, он был подготовлен многообразными познавательными «по-

¹ Войцех Вжозек. 2012. С. 286.

² Зверева. 1999. С. 256-257.

³ См.: Репина. 2009; 2011.

⁴ Термин предложен Б.Г. Могильницким. См.: Могильницкий. 2004. С. 6; 2008. С. 4. См. также: Репина. 2011. С. 558-559; Лубский. 2012. С. 14-15.

воротами», пришедшимися на первые два её этапа⁵. Особое влияние на развитие историознания оказали *социологический поворот*, пробудивший формирование «новой исторической науки» на рубеже 1950–60-х гг., последовавшие за ним *лингвистический*⁶, *антропологический*, развернувшийся в 1970–80-е гг. и давший «явный сдвиг интересов социальных историков от исследования объективных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации»⁷, *критический*, *когнитивный*, *пространственный*, *визуальный*, *мемориальный*, *эпистемологический* повороты. Каждый из «поворотов» способствовал расширению исследовательских полей, совершенствованию методологического инструментария, а главное, имея концептуально-методологическую общность, – формированию «новой рациональности» и нового образа исторической науки⁸.

Сам же *третий этап «историографической революции»*, выражением которого стали: «обращение к методологическому синтезу как главному способу исторического познания, фокусирующемуся вокруг человека в истории, его умонастроений, чувствований, поведения, сознательных и бессознательных мотивов его деятельности» (Б.Г. Могильницкий)⁹, «небывало возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в прошлом и настоящем» и «стремление к её контекстуализации на новой теоретико-методологической основе», оказался связанным с так называемым «культурным поворотом» – «важным качественным сдвигом в мировой историографии» (Л.П. Репина)¹⁰, разветвляющейся парадигмой «новой социокультурной истории», формированием течений «новой культурной истории» и «новой интеллектуальной истории» и т.д.

На судьбу исторической науки России оказали решительное воздействие не только переживаемые мировой историографией «повороты», но

⁵ Первый – объективистский (сциентистский) – этап историографической революции Б.Г. Могильницкий связывает с «триумфальным маршем “новой научной истории” с ее широкими историко-социологическими построениями»; второй – с «“поворотом к субъективности”...», «“открытием” микроистории как ведущего жанра в изучении прошлого...» (Могильницкий. 2008. С. 6-7).

⁶ Начало «лингвистического поворота» в историознании принято связывать с именем Х. Уайта. Непрерывающаяся после выхода его «Метаистории» (1973) дискуссия о её основных положениях делает это издание репрезентативным явлением современной методологии историографии, даёт понять природу постмодернистских претензий к традиционному историознанию и стремление последнего удержать свой дисциплинарный статус. (Бухараев, Мяков. 2007. С. 33–43). Сам Х. Уайт считал, что термин «лингвистический поворот» неверен и предпочитал «дискурсивный поворот».

⁷ Репина. 2009. С. 28.

⁸ См.: Новый образ исторической науки... 2005; Лантева. 2011. С. 12–20.

⁹ Могильницкий. 2008. С. 7.

¹⁰ Репина. 2011. С. 550.

и складывание на постсоветском пространстве новых общественно-политических условий развития науки. За прошедшие два десятилетия, констатирует Г. Бордюгов, «произошел крах государственной монополии на занятие наукой, возникла новая проблематика исследований, открылся доступ к ранее секретным архивам, кончилась цензура, наступило освобождение от партийности, сложились новые отношения внутри сообщества»¹¹. Полагая «самым главным» изменением в науке смену парадигм, историк фиксирует, что в российской исторической науке «вместо господствующей нарративной истории распространение получила когнитивная (познавательная, аналитическая) история. Модернизм с его универсальными, все объясняющими теориями стал уступать место постмодернизму... с его моделями многонаправленности и неравномерности изменений, с его дистанцированием от политических зависимостей, метода, идеологии, стратегии, авторитарной парадигмы, с его ставкой на самостоятельную роль слов и текстов...»¹².

Естественно, что в описываемый процесс оказалась вовлеченной и история исторической науки, историография, которая под влиянием «лингвистического поворота» и в результате реакции на него расширила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка; под влиянием «антропологического поворота» сформировала интерес к человеку науки, его повседневному миру, приватным формам общения, к складывавшимся вокруг него интеллектуальным сетям и т.д. Формирование постмодернистской парадигмы также привело к изменениям в сфере профессионального сознания и самосознания историков, заставляло пересматривать традиционные представления о профессии историка, о месте истории в системе гуманитарно-научного знания, о ее внутренней структуре и статусе ее субдисциплин¹³.

Однако постмодернистская программа, представив саму реальность прошлого как *конструкт*, «создаваемый текстом историка», «пошла по пути релятивизации истории значительно дальше того, что подразумевал

¹¹ См.: Бордюгов. 2011. С. 10-11. Вслед за Г. Бордюговым мы здесь подчеркиваем позитивные процессы развития исторической науки. Но нельзя не видеть и негативных последствий процессов, берущих начало в 90-е годы прошлого века, того же введения рыночной экономики, ослабления интереса государства к истории и т.д. Детальный анализ см.: Соколов. 2011. С. 321-340.

¹² Там же. С. 11.

¹³ «Постмодернистская программа, в значительной степени обоснованно, сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, на роли исторической концепции, которая интерпретирует исторические тексты, исходя из современных предпосылок, и действует как силовое поле, организующее хаотический фрагментарный материал» (Репина. 1998. С. 395).

тезис об обусловленности постоянного поиска “новых путей” в историографии столь же постоянным изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому из настоящего»¹⁴. Очевидно, здесь одна из причин того, что собственно «эпоха постмодерна» в историографии оказалась не долгой. Экспансионизм тех, кто, по определению А.Я. Гуревича, совершал «новую “революцию”», вызвал весьма скорую реакцию, ибо «доведённые до предела, постмодернистские критические настроения грозят разрушить основы исторической науки»¹⁵. XX век завершался «битвой за храм Мнемозины»¹⁶, результатом которой в формирующемся новом образе исторической науки. Тенденция была вскрыта Л.П. Репиной уже в монографии 1998 года: «Под влиянием “лингвистического поворота” и конкретных работ большой группы “новых интеллектуальных историков” радикальным образом преобразилась история историографии, которая неизмеримо расширила свою проблематику и отвела центральное место дискурсивной практике историка. Отклоняясь в сторону литературной критики, она имеет тенденцию к превращению в ее двойника – историческую критику, а возвращаясь – обновленная – к “средней позиции”, получает шанс стать по-настоящему самостоятельной и самоценной исторической дисциплиной»¹⁷. Наступало время *aft-постмодерна*, что дало основания говорить о ситуации как о времени методологического компромисса, наступление которого исподволь подготавливали такие мыслители, как Ф. Анкерсмит, ратовавшие за восстановление статуса исторического нарратива на неокантианской основе¹⁸.

Усвоение уроков постмодернистского вызова привело к формированию «средней линии» (или так называемой «третьей платформы»), которая откровенно прокламирует неприятие крайностей, будь то историографическое картезианство, предлагающее историку набор освящённых «большими» идеологиями матриц для отображения прошлого, или же постмодернистское видение истории как неупорядоченной совокупности происшествий. Начиная с рубежа XX–XXI вв., историографы, обратившись к поиску «реальности вне дискурса», в центр внимания поставили *коммуникативные процессы*, развернули историко-антропологические исследования. В этом процессе переопределения исследовательского поля историко-историографических исследований существенно изменяется понимание занявшей одно из центральных мест под влиянием

¹⁴ Там же. С. 395.

¹⁵ См.: Гуревич. С. 7.

¹⁶ *Экзитут*. 2003.

¹⁷ Репина. 1998. С. 235.

¹⁸ См.: Бухараев. 2006. С. 8.

ем «культурного поворота» в структуре историографического знания проблемы истории *интеллектуальных (научных) сообществ*¹⁹.

К тому же итогу – к признанию особой роли *коммуникативных систем* – пришло в своем развитии и неклассическое социальное знание (социология науки, науковедение), представленное различными версиями интерпретативных, постструктуралистских и конструктивистских подходов²⁰. «Преодолению» образа науки как системы знания с её нормативностью и логико-методологической суверенностью способствовали: учение Р. Мертона об «этосе науки», о «незримом колледже» как особой форме организации свободных научных коммуникаций между учеными вне рамок институциональных структур, концепция «личностного (неявного) знания» М. Полани, учение Т. Куна о парадигмальном строе науки, в свете которого научное сообщество предстает рациональным субъектом научной деятельности, объединяющим ученых на основе близости их взглядов, субъективных представлений о целях и средствах научной деятельности; особую роль в формировании неклассического понимания феномена научного сообщества сыграли постструктуралистская концепция дискурса Ю. Хабермаса, теория капиталов и концепция габитусов П. Бурдьё, много сделавшего для обоснования субъективно-объективной природы научного сообщества как части социальной реальности.

На рубеже 1980–90-х гг. открылись возможности для актуализации и нового решения историографических проблем, которые, по сути дела, на протяжении большей части XX века оказались «репрессированными» в условиях утверждения и господства в гуманитарных и социальных науках моноидеологии. К числу таковых должна быть отнесена и проблема научных школ вообще и, в частности, возникших в России в последней трети XIX – начале XX в. и получивших известность как школы В.О. Ключевского, В.И. Герье, И.М. Гревса и т.д. Теоретико-методологической основой реализации указанной возможности стал переход от сложившейся еще на рубеже 1920–30-х гг. модели исследования истории исторической науки, подходившей к феномену научных сообществ с позиций гипертрофированной классово-оценки, к модели изучения означенной проблемы в системе координат антропологической парадигмы с её определению Т.Н. Поповой, социокогнитивным подходом²¹.

Динамику и направления этого перехода, а в целом и взлет интереса к схолярной проблематике, кроме рассмотренных факторов глобаль-

¹⁹ См.: Ретина. 2007. С. 89–92.

²⁰ См.: Бурганова. 2010. С. 19–34.

²¹ См.: Попова. 2007. С. 135–149.

ного и регионального (действующих на российском / постсоветском пространстве) масштаба, определяли произошедшие в начале XXI в. изменения в коммуникативном поле историографии²² и складывание в среде российского историографического сообщества ситуации высокой сенсбилизации²³ в области науковедения, т.е. подготовленности к восприятию нового, к переменам в осмыслении феномена научной школы. Свидетельством тому стал все возрастающий массив защищенных диссертаций и исследовательских публикаций²⁴, а также многочисленные научные конференции разного уровня, в том числе организуемые Российским обществом интеллектуальной истории на базе региональных научных центров. Эти конференции выполняли роль своеобразных модераторов и трансляторов интеллектуальной истории как исследовательского проекта, изменяющего историографическую культуру. Проблематика истории научных сообществ становится постоянной на омских конференциях (1995, 1998, 2000, 2003, 2009 г.)²⁵, на конференциях, организованных региональными отделениями РОИИ (Москва (2000, 2001, 2003, 2007, 2008, 2012), Саратов (2002), Орел (2005), Ставрополь (2005), Казань (2003, 2006, 2009, 2010, 2012), Пермь (2007), (Ижевск, 2008), Нижний Новгород (2010, 2013), Челябинск (2007, 2011), Чебоксары (2008, 2010) и др. Особо отметим роль состоявшейся в 2002 г. в Саратове конференцию «Научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении», определившую исследовательскую программу, актуализировавшую, пожалуй, «вечные» сюжеты: о

²² Именно на это время приходится создание РОИИ – Центра интеллектуальной истории при Институте всеобщей истории РАН, и на его базе – важных коммуникативных площадок: альманаха интеллектуальной истории «Диалог со временем», периодических историографических сборников: «Мир историка» (Вып. 1–8. Омск, 2005–2013), «Ставропольский альманах РОИИ» (10 выпусков, 2005–2010), «Человек второго плана в истории» и «СОГИТО. Альманах истории идей» (Ростовское отделение РОИИ) и др.

²³ Термин *сенсбилизация* (лат. *sensibilis* – чувственный) для использования в историографии предложен С.М. Куделко: «Сенсбилизация – это степень готовности общественного сознания к восприятию нового, к переменам» (Куделко. 2000. С. 7).

²⁴ О мощности «школьного пласта исследований» можно судить по библиографии, составленной И.Л. Беленьким для фундаментального исследования «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен». См.: *Беленький*. 2011.

²⁵ Именно на них было предложено понятие «историографический быт» (Ю.Л. Троицкий), предпринимаются первые опыты анализа социокультурного «бытового» контекста, определявшего стилевые особенности творческого процесса в науке (В.П. Корзун, А.В. Свешников) (см.: *Алеврас*. 2011. С. 531. «Историографический быт» – это внутренний мир науки, «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, являющиеся важными структурирующими элементами сообществ ученых» (Корзун. 2000. С. 20; Троицкий. 1995. С. 164-165).

статусе историка в структурированном сообществе, о способах «дела-ния» историка как профессионала, влиянии научной повседневности на конфигурацию научных сообществ, о воздействии современного контекста на ретроспективный анализ этих же сообществ и т.д.

Результатом прошедших с «перелома» 1980–90-х гг. десятилетий следует признать коренные изменения в области изучения истории научных сообществ дореволюционной России. Экспертом здесь может быть известный науковед И.Л. Беленький. Характеризуя в 1978 г. сложившуюся в советской историографии ситуацию, он зафиксировал бессистемность и хаотичность научного аппарата историографии по поводу структурирования историографического пространства дореволюционной России, выявил представление историографов о его дискретности: на поле науки действовали противостоящие друг другу течения и направления, отражавшие и выражавшие борьбу классов²⁶. Выделение направлений и школ в науке по классовому признаку и оценка их прежде всего с точки зрения выполнения «зачисленными» в них историками идеологической и политической функций было принципом советской историографии²⁷. В 2011 г., подчеркивая, что «в итоге, сделано уже немало», историограф, исходя из наличия «целого ряда аналитических (в т.ч. монографических) описаний “школ”», итоживших усилия историографов за полтора столетия, фактически, предложил достаточно стройную схему классификации научных школ по основаниям: 1) подходы к изучению русской истории («запечатлены» в традиционных наименованиях: «скептическая», «государственная» / «юридическая»); 2) «органика бытия в пространстве русской науки и русской культуры» («московская» – славяноведение, антропология, «петербургская» – востоковедение, византиноведение и т.д.); 3) национальная топика науки («русская» – изучение всеобщей истории); 4) персоналогический фактор («школа В.О. Ключевского», «школа П.Г. Виноградова», «школа В.И. Ламанского» и т.д.)²⁸. Для нас важно здесь фактическое признание именно за научными школами, а не за «направлениями» и «течениями» (что характерно было для «старой» модели историографического

²⁶ Беленький. 1978. С. 64–65.

²⁷ «Основания этих наименований...», – констатировал И.Л. Беленький, – разнородны: политическая, социальная, общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследования; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; география науки; персоналогичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков» (Беленький. 1978. С. 65).

²⁸ Беленький. 2011. С. 372.

исследования с ее «репрессивным» отношением к школам) роли эволюирующей «единицы» в развитии исторической науки. Это отражено и в наблюдении о том, что «довольно широкое распространение в историографическом сознании последнего времени получило понятие “научно-педагогическая школа”» (там же). Предложенная читателю библиография научных школ, справедливо охарактеризованная составителем как список, «не претендующий... на полноту»²⁹, свидетельствует, что успешно исследовались в последние годы названные при классификации школы, в том числе и связанные с персональным лидерством. Библиография фактически говорит о реабилитации научных школ. Это наглядно видно на примере изучения школы В.О. Ключевского. Из названных И.Л. Беленьким 26 публикаций, 3 принадлежат авторам – немарксистам (Г.В. Вернадский, Н.И. Кареев, В.И. Пичета), 1 – перу акад. М.В. Нечкиной (1974); 5 написаны в 1990-е годы; 16 – в 2000-е³⁰.

Сегодня в распоряжении читателей целая серия исследований, буквально открывших и доказавших присутствие на поле российской исторической науки второй половины XIX – начала XX в. научных школ лидерского типа: «школа М.С. Куторги», «школа В.О. Ключевского», «школа В.И. Герье», «школа Н.И. Кареева», «школа П.Г. Виноградова», «школа С.Ф. Платонова», «школа А.С. Лаппо-Данилевского», «школа И.М. Гревса» и др. Факт вызывает особое удовлетворение потому, что еще недавно, буквально на рубеже XX–XXI вв., доминирующей тенденцией было отрицание таких феноменов, как «школа Ключевского», «школа Герье», «школа Гревса»: большинство историографов-предшественников не видели этих школ как предмета исследования и не ставили перед собой задачи собственно науковедческого плана.

Что же произошло? В чем причины успешности указанного разворота? Залогом тому как раз и стали описанные выше процессы: серьезное продвижение нашей науки в теоретической области, связанной с науковедением, социологией науки и успешным движением в общем русле антропологизации историографии, позволившем связать «мир науки» и его творцов с «миром повседневности» в единое целое и представить более

²⁹ Составителю важной представляется задача создания каталога-справочника «всех “научных школ” в отечественной исторической науке XIX – начала XXI вв.» (Беленький. 2011. С. 375).

³⁰ Та же тенденция просматривается при обращении к литературе о других историках, с чьими именами связаны научные школы. Но она иная относительно «школ»-направлений: из 27 работ о государственной / юридической школе в последнее десятилетие изданы семь; из 17-ти работ, посвященных скептической школе, в 2000-е годы написаны семь (автор К.Б. Умбрашко).

сложную картину развития науки, ее ландшафт, не сводимый исключительно к творчеству выдающихся личностей, к «горным вершинам».

При обращении к изучению творчества названных историков, их многогранной деятельности как создателей научных школ историографы уже могли опираться на современные представления о научной школе в области гуманитарного знания, на видение в ней открытой системы, представляющей диалектическое единство коммуникативных характеристик, идейно-методологических ориентаций, тематики конкретно-исторических разработок, схолярных практик. Была акцентирована роль личностного знания, поставлены вопросы о развитии историографической компаративистики, получила разработку тема роли лидера и лидерства как социокультурного явления. В научном сообществе получила одобрение идея о том, что понятия «направление», «течение» фиксируют не иерархические уровни, а лишь ориентации самих школ в коммуникационной, политической, философской и тематической сферах. В схолярных исследованиях происходил стремительный подъем «антропологического градуса». Приоритеты все более отдавались культурологическому подходу с его практикой включения историографического знания в культурное пространство эпохи³¹.

Особый вклад в разработку обозначенных аспектов внесли как историографы старшего поколения Н.А. Алеврас, А.С. Антощенко, В.С. Брачева, И.Г. Воробьева, Г.И. Зверева, В.П. Золотарев, Н.В. Иллерицкая, В.П. Корзун, Л.П. Лаптева, А.В. Лубский, С.И. Маловичко, С.И. Михальченко, Б.Г. Могильницкий, М.П. Мохначева, Л.П. Репина, И.М. Савельева, А.Н. Цамутали и др., так и те, кто закрепляет за собой ведущие позиции – В.В. Боярченков, О.В. Воробьева, Н.В. Гришина, Д.А. Гутнов, О.Б. Леонтьева, М.А. Мамонтова, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев, М.Ф. Румянцева, А.В. Свешников, К.Б. Умбрашко, В.А. Филимонов, Д.А. Цыганков и др. Но конкретные историографические практики требовали дальнейшей рефлексии. На наших глазах происходит переход от антропологически ориентированного описания школ и их героев к построению антропологической модели научной школы.

Почти одновременно Н.В. Гришина³², Т.Н. Иванова³³, А.В. Свешников³⁴ актуализировали уже известное ранее определение научной школы как открытой, неформальной, сплоченной социальной группы профессиональных ученых и обратили внимание на такой «школьный» крите-

³¹ Мяжков. 2011. С. 206–214.

³² Гришина. 2010.

³³ Иванова. 2009; 2010.

³⁴ Свешников. 2010.

рий, как самоидентификация ученых и признание школы со стороны научного сообщества и общества в широком смысле этого слова. И если Н.В. Гришина это осмыслила на материале школы В.О. Ключевского, актуализировав проблему закрепления образа школы В.О. Ключевского в социокультурном пространстве образованного русского читателя, А.В. Свешников – на материале школы И.М. Гревса, уделив большее внимание внутришкольной идентификации, то Т.Н. Иванова исследовала оба эти аспекта на материале школы В.И. Герье. Значительный вклад в осмысление последней за рассматриваемые годы был внесен Е.С. Кирсановой³⁵, Д.А. Цыганковым³⁶, а также теми историографами, которые изучали жизнь и творчество учеников В.И. Герье, неизбежно затрагивая в своих исследованиях взаимоотношения учителя и учеников.

Иными словами, на сегодняшний день выработана **«антропологическая» модель школы**. Ее черты, элементы, на взгляд авторов, ярко демонстрирует одна из самых значительных (если не самая значительная) научных исторических школ в России – сформировавшаяся во второй половине XIX века, школа В.И. Герье. Итак, каковы же основные черты школы Герье, по мнению авторов статьи?

1. Школу В.И. Герье по её научной специфике можно определить как школу всеобщей истории. Её парадигмальные истоки восходят к концепции Т.Н. Грановского, а самого Герье можно считать представителем научной традиции Грановского³⁷. Нельзя согласиться с отрицанием того факта, что Герье был учеником Грановского³⁸. К сожалению, в историографии слабо разработаны критерии «научного ученичества». Конечно, «учительство» – не процесс сообщения знаний и «просвещения», но и не просто «процесс профессиональной подготовки»³⁹. Л.П. Лаптева, разумеется, не ошибается в том, что профессиональную подготовку для начала преподавания в высшей школе Герье получил во время командировки в немецкие университеты. Более того, в плане методики исторического исследования его можно считать учеником Л. Ранке и других представи-

³⁵ Кирсанова. 2003; 2007.

³⁶ Цыганков. 2008; Цыганков, 2010.

³⁷ В этой связи, полагаем, нельзя принять утверждение Л.П. Лаптевой о том, что «в профессиональном... отношении Грановский не был учителем Герье» (Лаптева. 2013. С. 48). Тенденциозные выводы о несостоятельности Грановского как ученого, сделанные его недругом В.В. Григорьевым ещё в XIX веке (см.: Григорьев. 1856), на которые ссылается Л.П. Лаптева, были убедительно и неоднократно опровергнуты как современниками (см., например: Малинов. 2008. С. 208, 210), так и историографами (см.: Тимофей Николаевич Грановский... 2006).

³⁸ Лаптева. 2013. С. 47–48.

³⁹ Там же. С. 47.

телей школы немецкого ученого. Однако концептуально Герье – ученик Грановского, последовательно разрабатывавший идею всеобщей истории, сформированную учителем. Ссылки на недостаточно долгое личное общение учителя и ученика, прерванное смертью Грановского, несостоятельны своим формализованным подходом. Иногда и многолетнее обучение и общение не способствует тому, чтобы формальный ученик стал истинным последователем своего столь же формального учителя.

Герье не только с гордостью называл себя учеником Грановского, но и считал себя продолжателем его дела. Как ученый он сформировался в атмосфере, буквально пронизанной «духом Грановского». В университете он тесно общался с П.Н. Кудрявцевым (одно время даже столовался на квартире у профессора). Герье был женат на воспитаннице сподвижника Грановского, автора его первого биографического очерка А.Н. Станкевича, супруга которого была двоюродной сестрой Грановского. Герье внимательно изучил все доступные ему литографированные издания лекций Грановского. Одна из его первых научных статей и последняя монография были посвящены Грановскому. Более того, пиетет к своему учителю Герье привил и своим ученикам. Идею всеобщей истории можно считать общей парадигмой школы Герье. Культ родоначальника этой идеи Грановского сближал всех учеников Герье, несмотря на вариативное многообразие их методологических позиций. Признание истории наукой со своим методом, нацеленности общественознания на открытие законов (относилось в будущее и не всегда полагалось делом собственно истории), идеи исторического прогресса, органического развития прослеживаются в историсофских произведениях большинства учеников Герье.

2. Формирование школы Герье связано со временем профессионализации и специализации русской исторической науки: в 70-е гг. XIX века острый недостаток квалифицированных кадров по всеобщей истории для расширяющейся сети российских университетов, особый интерес общества к проблемам зарубежной истории побудил молодого профессора Московского университета обратить внимание на подготовку ученых, способных не только стать специалистами по проблемной истории, но и учеными-педагогами широкой специализации. Как лидер формирующейся «учительской» школы Герье избирает курс на подготовку энциклопедически образованных, с широким философским подходом профессоров всеобщей истории, способных на высоком научном уровне исследовать и преподавать и античность, и средневековье, и современную историю.

3. В развитии школы Герье выделяются три этапа:

– *первый*: 70-е – начало 80-х гг., когда Герье «школил» «старшее поколение» учеников (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, С.Ф. Фортунатов);

– *второй*: 80-е – начало 90-х г., время формирования «среднего поколения» (М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, И.И. Иванов);

– *третий*: 90-е гг. XIX – начало XX вв. – становление «позднего поколения» (П.Н. Ардашев, С.А. Котляревский, Е.Н. Щепкин).

4. Наиболее ярко основные черты школы отразились в творчестве Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина, П.Н. Ардашева, составивших её «ядро». К нетипичным ученикам, «*приверженцам*», можно отнести Р.Ю. Виппера, И.И. Иванова, Е.Н. Щепкина, С.А. Котляревского. Кроме того, значительна «*периферия*» школы, которая в то же время достаточно аморфна вследствие свойственной историческим школам интерференции, возникновению феномена «двойного ученичества». К ней можно отнести формально бывших магистрантами П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского и др., но в то же время признававших себя и учениками Герье Д.Н. Егорова, М.О. Гершензона, А.И. Соболевского, Н.И. Радцига, А.И. Яковлева, М.М. Хвостова, М.К. Любавского, А.П. Рудакова и др. К этой же «периферии» школы можно отнести писателей, не ставших учеными В.В. Розанова, В.Л. Брюсова, на мировоззрение которых Герье оказал существенное воздействие.

5. Формированию школы способствовали эффективные «школообразующие практики», применявшиеся ее основателем: глубокие по степени обобщения, богатые историографическим анализом лекции Герье, его университетские семинары. Важную роль сыграл в развитии школы вечерний (домашний) семинарий для избранных учеников, обретший в известном смысле более совершенную организационную форму в созданном в 90-е годы Историческом обществе.

6. Особое значение в формировании школы играли культивируемые её лидером индивидуальные методы наставничества. Герье создал определенный *алгоритм* подготовки ученых, «структура» которого включала: *фазу селекции* (отбора), *фазу протекции*, обеспеченную всесторонней (моральной и материальной) опекой избранных, *фазу установления тесного личного контакта* вплоть до «введения» ученика в семью профессора. Важнейшей фазой являлось собственно научное руководство на всех этапах «роста» ученика от определения им научного интереса, осуществления первых исследований (медального, кандидатского), подготовки к магистерскому экзамену и выбора темы диссертации – до магистерского диспута. С особым тактом Герье осуществлял действенный контроль за ходом заграничной командировки, сбором материала, за написанием текста диссертации. Необычным было то, что и после защиты диссертации он продолжал опекать ученика, подыскивая ему место в одном из российских университетов, давая советы по подготовке первых лекций и семи-

наров, оказывая помощь и поддержку в подготовке докторской диссертации. Данная модель работы с учениками, конечно, не была догмой, варьируясь в зависимости от конкретных обстоятельств.

7. Важной чертой школы Герье, определившей ее научный стиль, стало внимание к историческим источникам. Владение методикой исследования последних закладывалось в ставших знаменитыми семинарах. Ученики Герье писали диссертации на основе массива, как правило, открываемых ими в зарубежных архивохранилищах документов и демонстрировали высокий уровень владения приемами исторической критики, строгую доказательность выводов исследований.

8. Другой чертой школы Герье являлось особое внимание ее представителей к историографическим проблемам всеобщей истории, опора на метод системного историографического анализа. Воспитываемый учителем интерес учеников к творчеству предшественников и современных историков, к процессу развития историознания в зарубежных странах и в России был реализован последними в создании разнообразных трудов историографического характера.

9. Научная проблематика представителей школы многообразна, но восходит к разностороннему научному наследию самого Герье, изучавшего и генезис феодализма (продолжение – в трудах П.Г. Виноградова), и историю средневекового католицизма (С.А. Котляревский, М.С. Корелин), и причины и ход Французской революции конца XVIII в. (Н.И. Кареев, И.И. Иванов, П.Н. Ардашев), и т.д.

10. Еще одной особенностью всех представителей школы являются выраженные просветительские идеалы, тесная взаимосвязь их научной и преподавательской деятельности, общественно-просветительские инициативы по организации научных и педагогических обществ, совершенствованию женского и школьного образования.

Итак, школа Герье была дискретным образованием, расцвет которого пришелся на 70–80-е гг. XIX в.; она «отцвела» к началу XX в.; события 1917 года трагическим образом отразились на судьбе школы, ее представителей. Уже в 1880-е гг. рядом с ней стали возникать «дочерние школы» – научные школы учеников Герье: в их деятельности выразилась ярко тенденция к продолжению традиций научной школы учителя.

Поэтому можно заключить, что период расцвета школы сменился не упадком, а перерастанием этой школы в некое научное сообщество, функционировавшее как «незримый колледж», представители которого были и лидерами собственных учительских школ и одновременно входили в более сложные научные сообщества.

В развитии школы особую роль приобретают внутришкольные коммуникации и феномен личного общения. Рассматривая школу Герье как реальную социальную группу, можно обнаружить, что личные взаимоотношения, внутришкольная конкуренция оказывали ощутимое воздействие на эволюцию этого научного сообщества, что привело к выделению внутри него направлений, лишь вариативно схожих с проблематикой и методологией лидера. Сложные, а порой и конфликтные взаимоотношения членов школы повлияли на то, что впоследствии школьная идентичность учеников В.И. Герье ослабевает, процесса коммеморации не происходит. Именно в последнем обстоятельстве нам видится одна из тайн, почему научное сообщество с легким сердцем отказалось от признания «школы Герье» после его смерти.

Парадокс состоял в том, что «виновником» в описываемом явлении оказался, без преувеличения, самый осведомлённый, но как оказалось, и самый субъективный в этом вопросе ученик Герье Н.И. Кареев. Вот его одно из самых цитируемых положений: «Если школу понимать в смысле некоторого единого направления или какой-либо объединяющей всех учеников особенности, *какой-то обособленной школы Герье не было* [выделено нами. – Т.И., Г.М.]. Но была школа в другом смысле. ...у него [у Герье] была особая методическая строгость, “школившая” лиц, у него занимавшихся»⁴⁰. Это высказывание авторитетного Кареева во многом предопределило сомнения последующих исследователей в существовании школы Герье. Немногие ученики В.И. Герье, дожившие до 1917 года, с трудом приспособившаяся к условиям советской власти, не афишировали свою принадлежность к школе Герье, скомпрометировавшего себя в глазах большевиков как идеолог октябристов.

В советской историографии В.И. Герье был не более чем «фигура второго плана»: значимость его научного и педагогического вклада умалчать было невозможно, и потому был избран путь всемерного принижения, фактически – фальсификации реального места ученого в судьбах русской науки и культуры. Не относили его и к «русской школе», известной в зарубежной науке как «Ecole Russe». Об этом не раз говорилось. Опаснее была сложившаяся еще в 1920-е гг. традиция «непризнания» марксистской историографией возможности формирования научной школы вокруг тех ученых, которые не обладали «отчетливой методологической основой», которую готовы были принять их ученики. Именно это положение закрывало путь к постижению таких феноменов как «школа В.О. Ключевского», «школа В.И. Герье» вплоть до начала 1990-х гг.

⁴⁰ Кареев. 1922. № 1. С. 156–157.

В условиях смены парадигмы в истории историографии и формирования новой модели вопрос о значении В.И. Герье как создателя научной школы был актуализован в связи с выяснением его роли в возникновении знаменитой «русской исторической школы». Выявленный и исследованный огромный архивный материал, прежде всего эпистолярное наследие Герье и его учеников, позволят уверенно утверждать, что Герье как талантливый педагог, крупный деятель просвещения и организатор науки способствовал реализации в Московском университете той «школообразующей» традиции, которая имела истоком реформы 1860–70-х гг.⁴¹

Мы вплотную подошли к вопросу о месте школы Герье в научном пространстве России. При решении его полезно учесть идеи, выдвинутые в новейшей литературе⁴².

Г.П. Мяжков видит в Герье непосредственного университетского учителя или соратника ведущих представителей «русской исторической школы» и рассматривает его «как элемент, уточняющий конфигурацию “русской исторической школы”»⁴³. Впервые, по сути, на прямой вопрос, можно ли определить сформированное им научное сообщество, включавшее, по меньшей мере, два «направления» – социально-экономическое (представлено Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером и др.) и культурно-историческое (М.С. Карсавин, А.П. Рудаков), отличавшиеся методологическими пристрастиями, как «школу Герье», был дан утвердительный ответ. Сам В.И. Герье рассматривался как «исходный» лидер «русской исторической школы» всеобщих историков⁴⁴.

Д.А. Гутнов выделяет два «самобытных и в то же время тесно связанных друг с другом направления» в изучении русской и западной истории исторической школы Московского университета. Под первым на-

⁴¹ Б.Г. Сафронов в серии своих монографий, посвященных профессорам Московского университета, ввел определение московской школы «всеобщих историков», одним из основоположников которой он считал В.И. Герье (Сафронов. 1984. С. 8).

⁴² Событиями, давшими импульс его интенсификации, стали уже названная выше конференция «Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении» (Саратов, 2002; Цыганков. 2002) и приуроченная к 170-летию историка конференция «Мир историка: Владимир Иванович Герье» (Москва, 2007; см.: Мир историка... 2007). На ней был, фактически, совершен разворот российских историографов к творчеству Герье. Впервые он был представлен не как некая величина «второго» плана, а как выдающийся ученый, педагог, мыслитель, общественный деятель и гражданин. Конференция стимулировала активный исследовательский интерес, реализовавшийся в создании фундаментальных трудов о творчестве ученого.

⁴³ Мяжков. 2000. С. 204.

⁴⁴ Этот вывод был с положительной оценкой рецензентами, которые, однако, подчеркнули, что «тезис “работает” на авторскую концепцию, а значит, его система доказательств должна быть существенно укреплена» (Зверева, Ренина. 2001. С. 369).

правлением он подразумевает школу В.О. Ключевского, под вторым – школу П.Г. Виноградова⁴⁵. В то же время он не отрицает принадлежность к «исторической школе Московского университета» В.И. Герье⁴⁶, что порождает вопрос о признании им существования школы Герье, а также о соотношении между этой школой и школой Виноградова.

А.В. Антощенко предлагает рассматривать одновременное существование в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. в Московском университете школ Герье и Виноградова. Он отмечает, что на формирование исторической школы Московского университета оказали воздействие и Герье, и Виноградов и считает, что в становлении Виноградова как ученого определяющая роль «принадлежала его учителю – В.И. Герье»⁴⁷.

Большое внимание школе Герье уделяет *Д.А. Цыганков*. Он вписывает Герье в традицию Московского университета, идущую от Грановского через Герье и далее не только к его ученикам, но и через них – к ученикам учеников⁴⁸. Д.А. Цыганков использует определение «школа Герье» как что-то, если не равнозначное «московской школе историков», то входящее в нее⁴⁹. Он считает, что «Герье заложил основы исторического образования в университете, введя в систему обучения исторические семинары; наладил систему подготовки профессорских стипендиатов и в конечном счете был тем человеком, который придал конкретные организационные черты московской школе историков»⁵⁰. Таким обра-

⁴⁵ Гутнов. 1993. С. 41.

⁴⁶ Там же. С. 40.

⁴⁷ Антощенко. 2008. С. 105-106.

⁴⁸ «Школа Герье представляется в виде своеобразной системы подготовки историков, предполагающей создание единой формы занятий – лекций, семинаров, личных отношений учитель–ученик. В результате возникала особая, не совсем устойчивая профессиональная общность, функцией которой было распространение специальной информации и пополнения рядов ее членов. Вся система была замкнута на личности главы школы, который на первоначальном этапе удерживал общность при помощи различных личных связей, а затем конструировал ее в виде Исторического общества при Московском университете» (Цыганков. 2008. С. 232). В этом определении представляется спорной замкнутость школы на личности Герье и преувеличение роли Исторического общества в конструировании этой школы. Ведь общество возникло в период, когда расцвет научно-педагогической деятельности Герье был уже в прошлом, и связи не замыкались на учителя, а порою шли мимо профессора между его учениками.

⁴⁹ Ср.: «Определенные размышления о московской школе историков – школе Герье содержались в воспоминаниях Н.И. Кареева» (Цыганков. 2010. С. 7). Отождествление школы Герье с московской школой всеобщих историков Цыганков усматривает и в позиции В.П. Бузескула, изложенной в его книге «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Цыганков. 2010. С. 8).

⁵⁰ Цыганков. 2010. С. 23.

зом, Герье рассматривается уже не как основоположник собственной научной школы, а как один из деятелей московской школы историков. При этом автор, по собственному определению, под школой понимает «не единую методологию исследования московских историков, а общую инфраструктуру исторического образования в университете, которую кроме Герье развивали С.М. Соловьев, Н.А. Попов, П.Г. Виноградов и следующие поколения профессоров университета»⁵¹.

На важности личных контактов в школе Герье сосредоточивает внимание *Е.С. Кирсанова*: «Во многом благодаря таким неформальным контактам и возникло уникальное научное объединение, включавшее историков, принадлежавших к разным поколениям и придерживающихся порою разных политических и исторических взглядов, – школа Герье»⁵². Она считает, что на дальнейшее развитие этой школы повлияли «отрицательные психологические особенности характера» Герье⁵³.

Н.А. Алеврас относит школу Герье к традиционной «лидерской», так называемой «учительской школе», где «лидер... являлся не только научным вдохновителем и коммуникационным началом сообщества, но и должностным лицом (например, главой кафедры), для которого успешная подготовка специалиста высшей квалификации становилась частью его служебной деятельности или была важна для его научно-профессионального имиджа»⁵⁴.

Н.В. Гришина обращает внимание на важный факт: «В.И. Герье и П.Г. Виноградов не только стали лидерами собственных научных школ, но и продолжали оказывать идейное и методическое влияние на молодые поколения специалистов по русской истории»⁵⁵.

Таким образом, в современной историографии уже не оспаривается существование особой школы Герье, и, одновременно, принадлежность самого Герье к «русской исторической школе» («Ecole Russe»⁵⁶), московской исторической школе и т.д. Однако остается не до конца проясненным вопрос о том, каково было соотношение между школой Герье, «русской исторической школой» и «исторической школой Московского университета» (или московской исторической школой). Сам Герье позиционируется в историографии как один из лидеров «исторической школы Московского университета» (*Д.А. Гутнов*), основоположник москов-

⁵¹ Там же.

⁵² *Кирсанова*. 2003. С. 16.

⁵³ *Кирсанова*. 2007. С. 171.

⁵⁴ *Алеврас*. 2006. С. 121.

⁵⁵ *Гришина*. 2010. С. 83.

⁵⁶ *Чудинов*. 2009. С. 331–340.

ской школы «всеобщей истории» (Б.Г. Сафронов), «исходный лидер» русской исторической школы (Г.П. Мягков) и лидер собственной учительской школы (Н.Н. Алеврас).

Основные черты научной школы Герье, как мы показали, вполне прояснены, они даны с учетом специфики развития науки всеобщей истории в России. Есть ли выход из описанного положения, когда каждый из приведенных тезисов отражает реально существовавшую ситуацию, достаточно аргументирован. Полагаем, что да, путь к теоретическим обобщениям лежит в доказанном определении, что научные школы являются открытыми системами, а раз так, то им присуще разнообразие внутришкольных ориентаций и даже парадигм. Это приводит к явлению интерференции, взаимопересечению границ научных школ, следствием чего оказывается возможным пребывание тех или иных ученых в двух, а то и трех школах сразу, миграция из одной школы в другую. Эвристическую силу этой идеи блестяще продемонстрировала в своих исследованиях о «субъективной школе» в русской мысли О.Б. Леонтьева⁵⁷.

Описываемая дискуссия, как и те, что разворачиваются по поводу роли, места, взаимоотношений других научных школ в российском научном и интеллектуальном пространстве XIX – начала XX в., не может не выявлять противоречия. Исследуя специфику интеллектуальных сетей в поле исторической науки, одни авторы занимаются реконструкцией экзистенциональных пластов взаимоотношений между видными учеными, делают акцент на сложности, иногда конфликтности этих взаимоотношений, другие авторы делают акцент на целостность школ, гипертрофируя школообразующие признаки и традиции.

За этими крайностями, как нам представляется, стоит ряд важных проблем, ждущих своего исследования как на теоретическом, так и на конкретно-историографическом уровне. И смысл нашей статьи в демонстрации того, что: 1) интенсивное изучение истории научных школ в российском интеллектуальном пространстве, в частности – школы Герье, уже стало своеобразной лабораторией, в которой вызревают новые исследовательские направления; 2) в рамках схолярной проблематики накапливается материал, проливающий свет на особенности циркуляции интеллектуальной культуры, на процессы выучки ученого-историка, и создаются условия, чтобы продвинуться в деле «снятия» означенного выше противоречия.

Пожелаем новых открытий на этом пути.

⁵⁷ См.: Леонтьева. 2005. С. 27-28.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 116-125.
- Алеврас Н.Н.* Что такое «историографический быт»? // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 516–534.
- Антощенко А.В.* Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов (к вопросу о Московской исторической школе) // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 105-117.
- Беленький И.Л.* К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. II. С. 64–65
- Беленький И.Л.* Российское научно-историческое сообщество в конце XIX – начале XXI вв.: публикации и исследования 1940-х – 2010-х гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 343–478.
- Бордюгов Г.* Сообщество историков России: от прошлого к будущему // Научное сообщество историков России... С. 5-14.
- Бурганова Л.А.* Научное сообщество: объективная versus субъективная реальность? // Социальное конструирование реальности: опыт социологических исследований / под ред. Л.А. Бургановой, Г.П. Мяжкова. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2010. С. 19-34.
- Бухараев В.М.* Историографическая ситуация на рубеже XIX – XX веков: время методологического компромисса? // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 7–10.
- Бухараев В.М., Мяжков Г.П.* Тропологи́ческая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 149. Серия Гуманитарные науки. Кн. 5. Казань, 2007. С. 33–43.
- Войцех Вжозек.* Культура и историческая истина / пер. с польского К.Ю. Ерусалимский. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская Беседа. М., 1856. Кн. III. С. 17-46 (паг. 5-я); кн. 4. С. 1-57 (паг. 4-я).
- Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 288 с.
- Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Сода, 1996. С. 5-10.
- Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 40-53.
- Зверева Г.И.* Обращаясь к себе: самосознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. 1999. Вып. 1/99. С. 250-265.
- Зверева Г.И., Репина Л.П.* Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. 2001. Вып. 6. С. 364–370.
- Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 382 с.

- Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – нач. XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 382 с.
- Кареев Н.И.* Памяти двух историков // *Анналы.* 1922. № 1. С. 155-174.
- Кирсанова Е.С.* Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск: Изд-во СГТИ, 2003. 209 с.
- Кирсанова Е.С.* О влиянии психологических особенностей характера основателя научной школы на ее развитие // *Изв. Томск. политех. ун-та.* 2007. Т. 310. № 3. С. 134-137.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
- Куделко С.М.* Сенсибилизация: опыт расширения терминологического арсенала исторической науки // *Категорiальний апарат iсторичної науки: Харківський iсторіографічний збірник.* Х.: НМЦ «СД», 2000. Вип. 4. С. 4–8.
- Латтева Л.П.* В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии // *Диалог со временем.* 2013. Вып. 43. С. 47–60.
- Латтева М.П.* Интеллектуальный контекст методологических «поворотов» гуманитарного знания рубежа XX–XXI веков // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 12–20.
- Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: Проблемы теории и методологии истории. Автореферат дис. ... д.и.н. Казань, 2005. 34 с.
- Лубелко А.В.* Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева.* М.: ИВИ РАН, 2012. С. 7-22.
- Малинов А.В.* Философско-исторические взгляды М.М. Стасюлевича // *Страницы истории: Сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рождения профессора Григория Алексеевича Тишкина / отв. ред. Р.Ш. Ганелин; сост. А.С. Крымская.* СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 204–224.
- Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции. Москва, 18-19 мая 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007. 132 с.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 554 с.
- Могильницкий Б.Г.* История на переломе: Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной.* М.: ИВИ РАН, 2004. 170 с.
- Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Мяжков Г.П.* Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // *Диалог со временем.* 2011. Вып. 34. С. 206–214.
- Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сб. статей / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 288 с.
- Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.

- Репина Л.П. «Новая историческая наука и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 282 с.; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
- Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 89–92.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Сафонов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 153 с.
- Свейшиков А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с.
- Соколов Б. Нравы современных российских историков: предпосылки к падению и надежды на возрождение // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюкова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 321–340.
- Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2006. 282 с.
- Троцкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX): мат. Второй всерос. науч. конф.: В 2 т. Т. 2: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 164–165.
- Цыганков Д.А. «Школа» В.И. Герье // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 27–28.
- Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 256 с.
- Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 503 с.
- Чудинов А.В. «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: выбор пути // Французский ежегодник 2009: Левые во Франции. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 330–347.
- Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003. 320 с.
- Иванова Татьяна Николаевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета; tivanovan@mail.ru
- Мягков Герман Пантелеймонович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета; gmyagkov@yandex.ru